

Михаил Михайлович ЧОРЕФ

к. и. н.

Нижевартовский государственный университет,

г. Нижевартовск, Россия

E-mail: choref@yandex.ru

К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КРЫМА: ПО ДАННЫМ ЭПИГРАФИКИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Одной из основных задач современного исторического исследования является выявление и оценка значимости контактов между жителями сопредельных и удаленных регионов древнего и средневекового миров. Весьма важна она и для антиковедов. Они, как правило, получают исходную информацию из письменных источников, содержащих сведения о первоначальной локализации и последующих миграциях древних народов. Однако к настоящему времени основными объектами исследования стали куда более многочисленные, относительно хорошо сохранившиеся и поэтому несравненно более ценные памятники археологии. Их изучение, кроме всего прочего, позволяет не только уточнить свидетельства древних хронистов, но и восполнить лакуны в их повествованиях.

Полученную таким образом информацию невозможно увязать с историческим контекстом без четкой этнической атрибуции всех найденных артефактов, вырабатываемой на основании изучения письменных источников. Только это, в свою очередь, позволяет сопоставлять результаты археологических исследований с событийным рядом, сформировавшимся в итоге осмысления всей прочей совокупности памятников далекого прошлого. Так, изучение в подобном ключе некрополей античных поселений Северного Причерноморья не только позволило проследить процессы возникновения и развития их общин, но и выяснить обстоятельства их гибели¹. Столь же плодотворным оказался этот подход и при исследовании укреплений, городищ, селищ, а также культовых центров, существовавших в Таврике во время Великого переселения народов и в раннее Средневе-

¹ Из недавней литературы см. с предшествующей библиографией: *Стоянов Р. В.* Некрополь Херсонеса Таврического классического и эллинистического периодов: история изучения, проблематика // *Stratum plus*. 2000. № 3. С. 129–140; *Его же.* Еще раз об ориентировке и положении костяков в некрополе Херсонеса Таврического V–I вв. до н. э. // *Археологические вести*. 2003. № 10. С. 131–136; *Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.* К хронологии Западного некрополя Пантикапея. Подвальное помещение второй половины V в. до н. э. // *Древности Боспора*. 2002. № 5. С. 260–285; *Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И.* Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // *Stratum plus*. 2003/2004. № 4. С. 27–277; *Дашевская О. Д.* Некрополь Беляуса. Симферополь, 2014.

ковье. В результате их комплексного анализа формируется целостная картина, не только отображающая в нашем сознании события далекого прошлого, но и позволяющая ранжировать их по хронологическому принципу, что дает возможность атрибутировать и иные артефакты, в том числе и случайные находки, тем самым облегчая процесс изучения истории античного и раннесредневекового Крыма.

Однако проблемы все же остаются. Дело в том, что все эти умозаключения довольно условны, их ни в коем случае нельзя воспринимать как абсолютные истины. Следует учитывать то обстоятельство, что ученые, основываясь на достижениях своих эпох, неоднократно обращались к уже вроде бы досконально изученным памятникам, в результате чего по-новому освещали их историю. Наилучшим примером этого является процесс интерпретации грекоязычных надписей античной и средневековой Таврики, продолжающийся уже более двухсот лет¹. Особый интерес к ним обусловлен тем, что они содержат не только сведения о событиях, но и имена субъектов исторических процессов, этническая атрибуция которых, в свою очередь, позволяет получить столь необходимую информацию даже из кратких текстов, в том числе из немногословных эпитафий или граффити. Два таких текста и стали предметом нашего исследования.

Начнем с самого древнего из них — с херсонесского надгробия Малаки, жены Артемидора (рис. 1).

Рис. 1. Фотография надгробия Малаки (по Э. И. Соломоник)

Надгробие было найдено в 1961 г. при исследовании облицовки башни XVII (так называемой башни Зинова)² и хранится в лапидарии Национального заповедника

¹ Укажем только основные труды по этому вопросу: *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896; *Его же.* О календарях Тиры, Ольвии и Херсонеса Таврического // Труды VI Археологического съезда. Т. II. Одесса. 1888. С. 56–71; *Его же.* Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1884. Июнь. Отд. отт. С. 35–77; *Его же.* IOSPE I¹; IOSPE II¹; IOSPE IV¹; IOSPE I²; Корпус боспорских надписей / ред. В. В. Струве. М.; Л., 1965; *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. М., 1989; *Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А.* Граффити и дипинти хоры античного Боспора // Боспорские исследования. 2007. Suppl. 1; *Виноградов А. Ю.* «Миновала уже зима языческого безумия...»: Церковь и церкви Херсона в IV в. по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010.

² *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 123. Прим. 1.

«Херсонес Таврический»¹. Текст монумента был впервые опубликован Э. И. Соломоник². Памятник представляет собой обломок блока из желтоватого известняка, высотой 36 см, шириной 37 см и толщиной около 17 см. Он был сильно поврежден уже в древности, что было обусловлено характером его вторичного использования в качестве одного из блоков облицовки в кладке башни — рельефная композиция в виде фронтона, украшавшая верхнюю часть монумента, довольно небрежно стесана, сохранились только три полочки, обрамлявшие ее снизу. Отбита и нижняя часть стелы. Зато полностью сохранилась трехстрочная надпись, в которой Э. И. Соломоник разобрала:

ΜΑΛΑΚΑ
ΑΡΤΕΜΙΔΟΡΟΥ
ΓΥΝΑ

Μαλακά
Αρτεμίδóρου
γυνά

Малака,
Артемидора
жена

Как видим, текст довольно краток и, на первый взгляд, вполне обычен. Учитывая это обстоятельство и основываясь на графологическом анализе надписи³, исследователь датировала памятник довольно широким периодом: концом IV — началом III в. до н. э.⁴

Не ставя под сомнение вывод, сделанный Э. И. Соломоник, попытаемся уточнить атрибуцию изученного ею памятника, а так как ее умозаключение было основано на результатах графологического анализа, то в процессе исследования попытаемся дополнить его методику нашими работами. Конкретнее, мы считаем целесообразным оценить мастерство резчика надписи и обнаружить особенности его почерка с целью выявления иных надгробий его работы. Полагаем, что комплексное изучение подобных памятников не только позволит оценить ситуацию в Херсонесе Таврическом на момент смерти Малаки, но и даст возможность уточнить наши представления о периоде жизни и о социальном происхождении покойной.

Первым делом заметим, что мастер, создавший эпитафию, был опытным, очевидно — профессиональным резчиком. Мы судим по тому, что он не ограничился обычным размещением текста, а расположил его таким образом, чтобы надпись оптимальным образом (только имя покойной он не смог выровнять по центру) заполнила отведенное для этого поле, к слову, заранее размеченное неглубокими симметричными линиями, ограничивающими строки сверху и снизу. Поэтому буквы «Υ» в середине и в конце текста у него получились разной ширины. Хорошо заметны и вариации отступов между символами, позволившие наилучшим образом заполнить поле надписи.

Перейдем к изучению текста. Для начала обратим внимание читателя на тот факт, что особенности почерка мастера весьма определенно просматриваются. К примеру, «Α» у него всегда получалась непропорционально крупной, с несоразмерно широко расставленными наклонными гасками, причем правая из них развернута на больший угол, чем левая, которая, в свою очередь, всегда получалась длиннее, даже пересекая линию

¹ Соломоник Э. И. Новые эпитафические памятники Херсонеса. С. 160.

² Краткие сообщения об этом памятнике см.: Даниленко В. Н. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н. э. (по эпитафическим данным Северного Причерноморья) // Античная Древность и Средние века. 1966. Вып. 4. С. 156. № 177; Соломоник Э. И. Памятники с надписями // Сообщения Херсонесского музея. 1969. Вып. IV: Башня Зинона. Исследования 1960—1961 гг. С. 67. № 74. Аналитическая публикация памятника: Соломоник Э. И. Новые эпитафические памятники Херсонеса. С. 160—161. № 158.

³ Соломоник. Новые эпитафические памятники Херсонеса. С. 160.

⁴ Там же.

разметки строк. Заметно и то, что горизонтальная составляющая этой буквы размещена довольно близко к ее верхней точке. В схожем стиле выполнена и «Δ» — те же широко расставленные, с разным углом наклона левая и правая гасты. Только ее горизонтальная составляющая, размещенная по правилам в нижней части буквы, прорезана куда более аккуратно, причем как бы сглаживая разницу в длине боковых линий. Что же касается «Г», то она изображена просто, изящно и безукоризненно — ее четко прочерченные, практически прямые гасты пересекаются почти под прямым углом. Столь же правильна буква «I». Она передана слегка искривленной линией. Стоит обратить внимание и на безупречную «К». Эта буква была размечена и прорезана ясными, уверенными чертами. Что же касается «М», то у древнего резчика она также получалась весьма ординарной. Ее боковые гасты — прямые, слегка наклонные друг к другу в верхней части. Буква «N» выполнена в той же технике, что и «M»: ее вертикальные составляющие практически параллельны друг другу. Символ «O» мастер всегда отображал в виде сравнительно небольшого кружка и размещал в верхней части строки. Изящная «P» составлена из вертикальной прямой и небольшого полукруга, сочетаемого с ней в верхней части. Тривиальна и «T», составленная из линий, пересекшихся под прямым углом. Зато весьма примечательна буква «Y». Заметно, что резчик не мог сочетать точку пересечения ее наклонных гаст с вертикальной, в результате чего ее пришлось вынести несколько влево.

Итак, проведя графологический анализ надписи, мы выявили особенности почерка исполнившего ее резчика. Попытаемся выделить изготовленные им надгробия. Для этого обратимся к работам Э. И. Соломоник¹. Основываемся на том, что сама исследовательница заключила, что заинтересовавшая нас эпитафия Малаки и одновременная ей надпись в честь Артемидора могла быть создана одним и тем же мастером².

Сразу же заметим, что мы принимаем точку зрения Э. И. Соломоник. Однако, учитывая полученные нами результаты исследования почерка, допускаем, что изучаемую эпитафию выполнил резчик, увековечивший память о Даматрии, сыне Эванта³, Коттихе, жене Даматрия⁴, и Артемидоре, сыне Даматрия⁵. Дело в том, что буквы «А», «Δ», «Г», «I», «К», «М», «N», «O», «P», «T» и «Y» на их стелах выполнены одной и той же рукой. Что же касается «Σ», встретившейся в эпитафиях Даматрия и Артемидора, то в ее композиции почерк заинтересовавшего нас мастера ощущается довольно слабо — она у него получалась вполне ординарная, с расходящимися вправо верхней и нижней линиями. Подобное написание было характерно для херсонесских эллинистических монументов, датируемых Э. И. Соломоник IV–III вв. до н. э.⁶

Исходя из этого, допускаем, что при сооружении башни Зинона могли быть использованы надгробия, изготовленные одним мастером, причем изначально размещенные на сравнительно небольшом участке эллинистического кладбища. Ведь в ином случае они бы не оказались в одной кладке. Учитывая очевидную взаимосвязь биографических сведений о покойных, предполагаем, что они были родственниками. У нас есть все основания считать, что прародителем являлся Даматрий, сын Эванта. Его женой могла быть Коттиха, а сыном — Артемидор, супругой которого, в свою очередь, являлась Малака.

¹ Полагаем, что следует обратить внимание на изданные ею надгробия, извлеченные из башни Зинона, так как они могли быть изготовлены в один период времени.

² Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. С. 161.

³ Там же. С. 156. № 155.

⁴ Там же. С. 157–158. № 156.

⁵ Там же. С. 158–160. № 157.

⁶ Там же. С. 123.

Перейдем к ономастическому анализу. Как верно заметила Э. И. Соломоник, имя *Εὐάνθης* в Херсонесе Таврическом до обнаружения заинтересовавшей нас стелы не встречалось, зато оно хорошо известно в Фанагории¹. Поэтому у нас есть вроде бы все основания считать его ионийцем, причем не таврического происхождения². Однако добавим, что в греческой мифологии Эвант был сыном Диониса и Ариадны, отцом Марона, спутника Одиссея, так что его имя могло быть весьма популярным не только у ионийцев Фанагории. И действительно, известно, что Эвант (465–450 гг. до н. э.) был царем Саламина на Кипре, следовательно, он был дорийцем. Таким образом, установить, был ли херсонесский Эвант дорийцем или ионийцем не представляется возможным.

Столь же нетипично для Юго-Западного Крыма и имя *Κοττίχα*³. Вслед за Э. И. Соломоник, считаем, что оно могло быть образовано из *Κοττώ* или из *Κόττων* по аналогии с *Κοττίνα*⁴, известным в Лакедемонии, а также с беотийскими *Καλλίχα*, *Αθνίχα* и *Φιλωνίχα*⁵. Развивая ее мысль, добавим, что, судя по имени, Коттиха определенно была дорийского происхождения, однако с учетом невстречаемости этого имени на прочих памятниках, она также не была уроженкой Херсонеса Таврического.

В то же время у нас есть определенные основания считать Артемидора гражданином этого города. Прежде всего, его имя довольно типично для его жителей в эпоху эллинизма⁶. Однако оно было столь широко распространено в эллинском мире⁷, что строить какие-либо предположения о происхождении покойного исключительно на данных ономастики было бы крайне опрометчиво.

Что же касается Малаки, то, как верно заметила Э. И. Соломоник, такое «женское имя... не встречалось в греческой ономастике, но редкие мужские имена *Μαλακός* и *Μαλόκων* засвидетельствованы на амфорных клеймах из Гераклеи Понтийской»⁸. Добавим также, что в последнее время только в округе античной Феодосии были выявлены

¹ Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. С. 123.

² Там же. С. 157.

³ Там же. С. 158.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 158. Прим. 71.

⁶ IOSPEP². № 403/404; Зограф А. Н. Античные монеты // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 16. М.; Л., 1951. С. 150.

⁷ Вспомним о самых известных исторических деятелях, носящих это имя. Начнем с Артемидора — грамматика, ученика Аристофана, жившего в Александрии ок. 230 г. до н. э., писавшего на дорическом диалекте и составившего собрание произведений буколиков. Упомянем географа Артемидора Эфесского, жившего во II–I вв. до н. э., автора «Перипла» в одиннадцати книгах, в котором привел лоции и описания своих путешествий по Средиземному и Красному морям. Не забудем и о Артемидоре Далдианском (вторая половина II в. н. э.), также уроженце Эфеса, получившем свое прозвище в память о месте рождения матери. Он стал известен как философ, писатель и снотолкователь — автор «Онейрокритики». Ну и, наконец, вспомним об Артемидоре (?–95 гг. до н. э.) — одном из греческих царей Бактрии. Как видим, ареал и период использования этого имени был достаточно широк.

⁸ Граков Б. Н. Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор // Труды Государственного исторического музея. 1926. Вып. 1. С. 181; Белецкий Л. А., Яковенко Э. В. Новые эпиграфические находки в скифских курганах Керченского полуострова // Вестник древней истории. 1969. № 3. С. 157–159; Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. С. 160–161.

штампы: гераклейского фабриканта Малакона¹ и четырех одноименных магистратов — его сограждан². Учтем и то, что, по сведениям Фотия, Патриарха Константинопольского (858–867, 877–886) (*Phot. Bibl.*, 224, 5, 6), сославшегося на Мемнона (*Memn.*, VIII, 2), а также по материалам Аппиана Александрийского (*App. Syr.*, 64), Лисимаха поразил «гераклиот Малакон... воевавший под началом Селевка». Судя по наличию подобного упоминания, этот житель Гераклеи Понтийской был знатным воином, а возможно, и военачальником в армии основателя Сирийского царства. Нам же важно то, что носители однокоренных имен могли быть выходцами из Гераклеи Понтийской, в которой они, несомненно, занимали привилегированное положение. Однако Э. И. Соломоник считала, что упомянутая *Μαλακά* была вольноотпущенницей³, так как ее имя будто бы могло образоваться от прилагательного греческого *μαλακός* — «вялый, изнеженный, извращенный, легкий, мягкий, снисходительный, уступчивый»⁴. Однако этот тезис противоречит вышеприведенным сведениям об ареале и характере использования созвучных мужских имен. Очевидно, что Малака не могла быть столь низкого происхождения. В таком случае получается, что она не носила эллинское имя.

Основываясь на этом допущении, попытаемся выяснить происхождение Малаки. Начнем с того, что весьма созвучные слова известны в семитских языках. Так, в иврите מֶלֶךְ (*mélek*) использовалось для титулования царей, а жен правителей, владычиц, соответственно, называли מַלְכָּה (*málka*) или מַלְכָּת (*málkat*). В рассматриваемый нами период также бытовали созвучные термины מַלְךְ — (*málak*), מַלְכָּה и מְלֶכֶת (*mléket*)⁵, имевшие те же значения. С той же целью в арабском и сейчас употребляется царский титул مَلِكٌ (*malík*), причем супруг правителей называют مَلِكَاةً (*malikát*). Учтем и то, что в том же языке слово مَلَاكٌ (*maláka*) используется как неопределенная форма глагола, т. е. в смысле «владеть, управлять», и как существительное в значении «ангел». В иврите же бытует термин מַלְאָךְ (*málak*), который употребляют при упоминании посланцев Бога. Следует учесть и то обстоятельство, что в финикийском языке также известно созвучное слово מלכ' (*mlk'*) — «Мáлака». Так в древности называли современную Малагу. Примечательно, что близкое по звучанию слово известно и в сирийском языке, активно использовавшемся в Передней Азии с I в. н. э. Правда, в нем написание этого созвучия несколько отличается от арабского, ивритского и финикийского вариантов. Его композиция включает два символа «𐤌» — эквивалентен «𐤍» в иврите, в результате чего слово приняло вид מלכא (*maláka*). Однако его использовали при упоминании об ангелах. Но в данном случае нам должно быть важно развитие методики передачи звуков. Как видим, в сирийском написании этого созвучия присутствуют символы для обозначения гласных, что, безусловно, облегчало задачу транслитерации его в греческом языке. Допускаем, что при этом буква «𐤌» могла быть передана с помощью «α». Поэтому у нас есть все основания считать, что аналогично сирийскому מלכא могло возникнуть и греческое *Μαλακά*, правда, в более древнем значении — «владычица». Полагаем, что рассматриваемое семитское созвучие в

¹ Гаврилов А. В. Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников) // Археологический альманах. Донецк, 2011. № 24. С. 61. № 76.

² Там же. С. 98. № 241; С. 206, № 40; С. 279, № 9; С. 301, № 5.

³ Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. С. 161.

⁴ Греческо-русский словарь, составленный А. Д. Вейсманом, бывшим ординарным профессором императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института. СПб., 1899. Кол. 779.

⁵ Brown F. A Hebrew and English lexicon of the Old Testament: with an appendix containing the biblical Aramaic. Oxford, 1906. P. 573.

греческом языке должно было сохранить не только прежнее значение, но и звучание, так как соответствовало его нормам. Тем же обстоятельством можно объяснить появление грецизированных форм *Μαλακός* и *Μαλάκων*, по-видимому, сберегших прежнее значение, соответствовавшее ивритским *מַלְאָךְ* / *מַלְאָכִים*.

Сам факт написания имени с помощью греческих символов свидетельствует о высокой степени ассимиляции семьи Малаки, характерной для эпохи развитого эллинизма. Основываемся на том, что известны тексты на финикийском языке, переданном с помощью греческих и латинских символов¹. Правда, они довольно поздние и исключительно редкие. Самый ранний из них — латинская транскрипция монолога Магона, приведенного в комедии Тита Макция Плавта «Пуниец», написанной во II в. до н. э.² А в I в. до н. э. был создан посвященный текст из эль-Хофра, набранный греческими буквами³.

Столь позднее появление и уникальность этих текстов вполне объяснимы. Дело в том, что они могли возникнуть только в зонах взаимодействия пунической цивилизации с эллинским или римским миром, причем только тогда, когда ее носители подверглись массивной ассимиляции. Есть все основания полагать, что вследствие этого процесса пунийцы отказывались от своей письменности, поскольку она не была столь же простой и удобной, как латинская и греческая. Но пунийская речь звучала еще в VIII в. н. э.⁴ Продолжали использовать и традиционные имена. Только тексты на пуническом стали записывать греческими или латинскими символами⁵.

Однако вернемся к предмету нашего исследования. Проведя ономастический анализ, мы установили происхождение Малаки. Попробуем теперь оценить сам факт использования «варварского» женского имени в эллинизированной среде Херсонеса Таврического. Считаем этот вопрос очень важным, так как, на первый взгляд, сам факт употребления семитского имени свидетельствует отнюдь не в пользу нашего предположения. Но в действительности никакого противоречия нет. Дело в том, что существуют достаточно веские доводы в пользу нашей гипотезы. Вспомним о том, что в эпоху Хасмонеев знатные мужчины носили греческие имена, а женщины — традиционные еврейские. К примеру, у Александра Яная супругой была **ציון שלום** — Шломцион (76–67 гг. до н. э.), известная также как Саломея Александра. Далее, первой супругой Ирода I Великого (74/73–4 гг. до н. э.) и последней представительницей династии Хасмонеев была **הַמְּלִיכָה מִרְיָם** — Мирьям Хашмонаит, или, как ее принято называть в русскоязычной литературе, — Мариамна. Эта традиция сохранилась и при Иродиадах. Так, сестра и дочь Ирода I Великого, а также его правнучка — дочь Иродиады и Ирода Бозта носили все то же имя *Σαλώμη* — Саломея, имеющее очевидные ивритские корни. Основываясь на этом, допускаем, что херсонесская Малака принадлежала к знатному роду, изначально проживавшему в Геракле Понтийской, имевшему как дорийские, так и переднеазиатские, вернее всего, финикийские корни⁶.

¹ Шифман И. Ш. Финикийский язык. М., 2010. С. 59–60.

² Там же. С. 60–61.

³ Там же. С. 59.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. С. 10–11. Однако сама пунийская письменность исчезла только в III–IV вв. См.: Там же. С. 16.

⁶ Наилучшим образом вопросы взаимоотношений древних греков и финикийцев разобраны в монографии: Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 210–213.

Нам же важно то, что, судя по именам, не все члены этой семьи могли быть урожденными гражданами Херсонеса Таврического. Однако они были похоронены на городском кладбище, причем, судя по оформлению надгробий, как привилегированные жители полиса. Вернее всего, упомянутые мужчины были гражданами, а женщины — их законными супругами.

Осталось невыясненным только одно обстоятельство. Ведь, как уже было установлено, надгробия этой семьи исполнил один и тот же мастер. Причем, вернее всего, в крайне непродолжительный период времени. Дело в том, что стелы покойных были оформлены в едином стиле: у мужчин — с профилированным карнизом, а у женщин — с фронтоном¹ и тремя полочками под ним. Полагаем, что представители этой семьи умерли в результате непродолжительного, но в то же время разрушительного катаклизма, унесшего жизни многих горожан, причем определенно не связанного с военными действиями — в ином случае монументы мужчин были бы украшены оружием. Причиной смерти могли стать голод или эпидемия. Причем первое объяснение крайне маловероятно. Ведь, судя по внушительным, профессионально изготовленным надгробиям, достаток семьи сохранился. Допускаем, что представители этой семьи умерли от эпидемии, информация о которой, к сожалению, на данный момент отсутствует.

Однако существует одно обстоятельство, которое, как нам кажется, позволяет определить время прибытия и длительность пребывания этой гераклеийской семьи в Херсонесе Таврическом. Речь идет об уже отмеченном отсутствии на их надгробиях изображений орудий труда или вооружения. Складывается впечатление, что покойные не были связаны ни с войной, ни с ремеслами, ни с земледелием. Зная о том, что представители семьи Малаки принадлежали к гераклеийской знати и прожили в этом городе сравнительно недолго, рискнем предположить, что они были беженцами.

Действительно, аристократы Гераклеи Понтийской, а, как мы уже выяснили, семья Малаки к ним определенно относилась, не единожды были вынуждены бежать из родного полиса и искать спасения в основанных им колониях. Как правило, такие миграции были обусловлены приходом к власти или демократов, или тиранов. Учтем, что в IV в. до н. э. в Гераклее Понтийской произошел один из таких переворотов, приведший к установлению тирании Клеарха (364/3–353/2 гг. до н. э.)². Известно, что этот правитель целенаправленно боролся с дорийской военно-земледельческой знатью³. Предполагаем, что семья Малаки могла из-за этого переселиться в Херсонес Таврический, где ее представители вскоре умерли от болезней, вызванных, кроме всего прочего, тяготами миграции и жизни на чужбине. В таком случае у нас есть основания датировать переселение этой группы гераклиотов второй половиной 360-х гг. до н. э.

Итак, осветив родословную этой небольшой группы жителей Херсонеса Таврического, нам удалось выявить новые факты, свидетельствующие об активности контактов жителей этого полиса с разноплеменными выходцами из Малой Азии, в частности — из Гераклеи Понтийской. Причем обоснованием нашим выводам послужили данные, полученные в результате комплексного использования графологических и ономастических методов анализа эпиграфического материала.

¹ На стеле Коттихи сохранились следы акротелиев: *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Рис. 158. Вполне возможно, что они были и на надгробии Малаки, однако нанесенные в древности повреждения не позволяют их отследить.

² *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 104.

³ Там же. С. 107.

Однако может сложиться впечатление, что наша технология пригодна только для изучения грекоязычных эпитафий. Ведь их носитель — камень, достаточно прочен, чтобы запечатлеть особенности почерков резчиков. С целью опровергнуть это предположение, перейдем к изучению второго объекта нашего исследования — ивритского граффити на овальном пласте штукатурки, 15 см в высоту и 14,5 см в ширину (рис. 2), найденном в ходе раскопок синагоги позднеантичного Херсонеса Таврического¹.

Рис. 2. Фотография и прорисовка граффити из Херсонеса Таврического (по: Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Макленнан Р. и др. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом)

Этот уникальный для Северного Причерноморья артефакт был обнаружен в 1950 г. экспедицией под руководством С. Ф. Стржелецкого во время обследования южного нефа Базилики 1935 г. Первооткрыватель смог определить язык, на котором была составлена надпись и разобрать ее первую строку — он прочитал в ней «над Иерусалимом»². На этом изучение памятника надолго остановилось. Его исследование возобновилось только в конце XX в. На надпись обратил внимание авторитетный крымский ученый М. И. Золотарев. К сожалению, ученый не смог перевести ивритский текст. Понимая историческую важность находки, он подготовил качественные фотографию и прорисовку надписи и отправил их на перевод Э. Эшель — профессору университета Бар Илан (Рамат-Ган, Израиль). Причем М. И. Золотарев скрупулезно отобразил как сам ивритский текст, так и следы греческой надписи, поверх которой тот был нанесен. Однако на стадии перевода надписи возникли определенные сложности. Дело в том, что на прорисовке были приведены не только сами буквы, но и заметные повреждения поверхности. Однако Э. Эшель не сочла необходимым сличить ее с фотографией, в результате чего часть символов были неверно истолкованы. В итоге на научное обсуждение была вынесена довольно сложная для понимания реконструкция этого текста:

¹ Речь идет о фрагменте № 269.

² Стржелецкий С. Ф. Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г. // Вестник древней истории. 1951. № 2. С. 136–141.

[...] ירושלים
[ה]גנייה בספרתי[...]
1 [...] סלהאמנאמן

[Тот, кто выбрал] Иерусалим
[благословит Х]ананию из Боспора
Амен. Амен. Села²

Сразу же заметим, что предложенное Э. Эшель прочтение и перевод не кажутся нам обоснованными и убедительными. Начнем с того, что предполагаемые ею лакуны слишком значительны, чтобы можно было бы столь безапелляционно восстанавливать первую строку текста. Полагаем, что в ней все же было только одно слово — «ירושלים». Есть у нас и сомнения в ее разборе второй строки. Полагаем, что Э. Эшель, не сверив фотографию и прорисовку, не смогла различить «ב» — «бэт» и «כ» — «каф». Кроме того, во второй строке надписи определенно отсутствует символ, схожий с «ס» — «самэх», который, по мнению израильского исследователя, являлся составной частью разобранного ею слова «בספרתי» — «боспорский». Учитывая эти обстоятельства, попробуем прочитать и перевести надпись самостоятельно³. Для этого попытаемся выявить особенности почерка ее автора.

Начнем с того, что ивритский текст, действительно трехстрочный, был размещен поверх греческой надписи⁴ и рисунок, от которого сохранились отдельные черточки в

¹ Считаем нужным заметить, что в известных нам публикациях текст и его перевод приведены с многочисленными ошибками: *Оверман Э., Макленнан Р., Золотарев М. И.* К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // *Археология*. 1997. № 1. С. 58–59; *Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Макленнан Р. и др.* Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: материалы и исследования Причерноморского проекта 1994–1998 гг. М.; Севастополь, 2013. С. 270. В этих работах в слове «ירושלים» первая «י» — «йуд» заменена на «ו» — «вав». Далее, в имени «הגנייה» вместо начальных и срединных «ג» приведены конечные «ך». Кроме того, вместо очевидных и ожидаемых «אמן» — «аминь» приведено «אם» — «если». Причем у нас нет сомнений в том, что авторы не просто дважды по небрежности опустили букву «ג» — «гун», а осознанно вставили в надпись отсутствующие в ней слова. Дело в том, что в ивритском алфавите выделены различные начертания символов в начале или в середине и в конце слова. А авторы монографии использовали при наборе последней строки надписи при передаче «מ» не начальный или срединный «מ», а конечный «ם». Далее, в той же публикации не была проведена сверка ивритского текста и его перевода. В результате слово «ירושלים» было переведено как «Тот, кто выбрал Иерусалим», как будто бы пропусков в строке не было. Учитывая сложившиеся обстоятельства, приводим уточненный текст и перевод этой надписи, как полагаем, составленный Э. Эшель.

² К сожалению, в вышеназванных публикациях не приведен перевод этого весьма важного термина. С целью исправить это упущение заметим, что סָלָה — не путать סָלָה, является литургическо-музыкальным знаком, использующимся при чтении псалмов. Его следует трактовать как интерлюдия, как указание на паузу, во время которой следует готовиться к кульминации. Дело в том, что раньше, во время существования Храма, псалмы не читали, а пели, причем исполняли их специально обученные священнослужители. Для них и проставляли селу. Наличие в надписи этого обозначения свидетельствует о высокой образованности ее автора.

³ При этом будем учитывать выводы, сделанные И. А. Левинской и С. Р. Тохтасьевым, активно и плодотворно исследующими эпиграфические свидетельства пребывания евреев в Северо-Причерноморском регионе в античную эпоху: *Левинская И. А., Тохтасьев С. Р.* Древнееврейские имена на Боспоре // *Античная балканистика 6: международный симпозиум, 18–22 окт. 1988 г.: тезисы докладов М., 1988. С. 28–29; Levinskaya I. A., Tokhtas'ev S. R.* Jews and Jewish Names in the Bosporan Kingdom // *תורה* / Ed. B. Isaac, A. Oppenheimer. Tel Aviv, 1996. Vol. XII: The Jewish Diaspora in the Hellenistic and Roman Periods. P. 55–73.

⁴ Насколько нам известно, Э. И. Соломоник пыталась ее разобрать. Она установила, что текст содержит имя «Енох» и, возможно, этникон «иудей»: *Жеребцов Е. Н.* Раскопки базилики

верхней части поля. Примечательно и то, что создатель заинтересовавшей нас надписи с большим трудом смог процарапать верхнюю строку — буквы у него получились весьма неразборчивые, причем только их вертикальные и нижние части уверенно прорезаны по поверхности, верхние же лишь слегка помечены. Хотя под ними различимы уверенные черты — детали рисунка. Основываясь на этом, предполагаем, что автор ивритской надписи был невысокого роста. Что же касается второй строки, то она прочерчена уже весьма разборчиво, все буквы хорошо различимы. Следовательно, изучая ее, мы сможем определить особенности почерка ее составителя. Так, первая буква, очевидно, «ה» — «хэй»: хорошо видна ее вертикальная составляющая и часть горизонтальной. За ней размещены два весьма схожих символа, похоже, что «נ» — «нун». Левее их видна изогнутая в виде запятой черта, весьма похожая на «י» — «йуд». За ней процарапана очевидная «ה». Если наши рассуждения верны, то получаем הנייה — «Ханания». Полагаем, что это первое слово второй строки.

Второе слово отделено от первого хорошо различимым пробелом. Первой буквой слова является, похоже, «כ» (каф). Она получилась с задраным вверх хвостиком в верхней правой части, что сделало ее принципиально несхожей с ординарной «כ». За ней следует «ת» — «тав», прочерченная весьма четко. Левее ее размещен символ, весьма схожий с «כ», но с хвостиком в нижней части. Так как этот элемент отсутствует в «כ» и в «נ», то мы видим в нем «ב» (бет). Левее ее процарапана хорошо узнаваемая «ת». В результате получаем «כתבת». Вслед за М. Б. Кизиловым видим в нем вполне допустимое и грамотное «כתבת» — «написал»¹. В таком случае во второй строке получаем: כתבתיהנייה — «Ханания написал». И действительно, на прорисовке надписи (рис. 3), выполненной Золотаревым, этот фрагмент текста читается совершенно ясно².

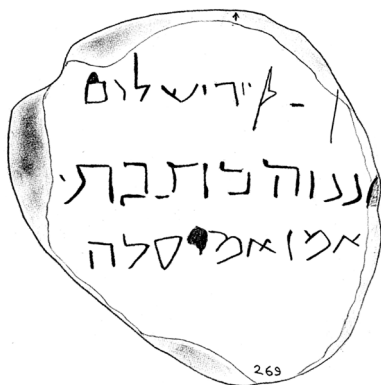

Рис. 3. Прорисовка граффити на иврите (по М. Б. Кизилу)

Что же касается третьей строки, то в ней на самом деле различимы слова: סלהאמן — «Аминь. Аминь. Села». Их буквы едва процарапаны. Они кривые, их линии — неглубокие. Складывается впечатление, что их писали вслепую, причем с большим трудом. Но

1935 г. в Херсонесе // Очерки по истории христианского Херсонеса / ред. С. А. Беляев. СПб., 2009. Т. 1, вып. 1: Херсонес Христианский. С. 145.

¹ Кизилов М. Б. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен и до наших дней. Симферополь, 2011. С. 35.

² Заметим, что М. Б. Кизилов не только не был уверен в таком прочтении этого фрагмента текста, но и настаивал на возможности разобрать в нем «Анания, сын Шабтая». См.: Там же. С. 35.

они были процарапаны поверх вполне аккуратных и различных греческих символов. Следовательно, у автора ивритского текста было значительно меньше возможностей, чем у создателя греческого. Полагаем, что это обстоятельство требует объяснения. Дело в том, что у нас есть все основания полагать, что ответ на поставленный вопрос позволит объяснить обстоятельства появления ивритской надписи. Как видим, автор этого текста был значительно ниже составителя греческого. Вернее всего, ее автором мог быть ребенок. Допускаем, что он, оставшийся без присмотра взрослого, дерзнул забраться на возвышение, чтобы достичь исписанного места стены, с целью оставить на ней свой автограф. Очевидно, что ребенок старался разместить свой текст как можно выше, там, где обычно писали взрослые, в результате чего начал царапать символы, высоко подняв руку над головой. Вследствие этого буквы первой строки надписи оказались весьма слабо прочерченными. Вторая же строка находилась непосредственно в поле его зрения, и ее буквы хорошо процарапаны. Чтобы прочертить третью, автору пришлось нагнуться, и символы вышли весьма неотчетливые. Полагаем, что надпись могла появиться в классе, в котором мальчики учили иврит и штудировали Священное Писание, причем, судя по хорошей сохранности символов на таком недолговечном материале, как штукатурка, она была размещена на внутренней стене комнаты, в которой располагалось учебное заведение.

Перейдем к проверке полученных результатов. Сразу же заметим, что в иудейских молитвенных домах (синагогах) регулярно проходят занятия как для взрослых, так и для малолетних прихожан. При этом обязательным элементом урока является разбор священных текстов. Как правило, их хранят на стеллажах или в выемках, размещенных по периметру стен. Книг могло быть много, и для доступа к ним использовали приставные лестницы. Так что вполне вероятно, что один из учеников, оставшийся без присмотра, решил увековечить себя и восславить свои познания в иврите, оставив столь примечательную надпись. При этом он повредил граффити на греческом языке, процарапанное его взрослым предшественником. Сам факт его составления говорит о высокой степени эллинизации еврейского населения Херсонеса Таврического.

Действительно, судя по «Житиям епископов Херсонских», в этом городе существовала влиятельная иудейская община, дважды в союзе с эллинами оказывавшая активное сопротивление христианским миссионерам. Так, судя по описанию служения св. Василия: «снова иудеи вредоносно ворожили, и имела место постыдная синагога, и, составив заговор, они вынесли решение незаконно убить благодетеля»¹. От рук эллинов и иудеев погибли Елпидий, Евгений и Агафодор, прибывшие в Таврику для продолжения дела св. Василия². Только св. Эферий, прибыв в Херсон в сопровождении воинского контингента «изгнал нечестивцев из города, а вместо них вселил принадлежащих к партии Христа»³.

Примечательно, что его преемнику св. Капитону оказали сопротивление только эллины. Следовательно, иудейская община ко времени его прибытия в Херсонес Таврический или примирилась с христианством, что маловероятно, или же потеряла свое влияние, что куда более допустимо. Основываясь на этом, предполагаем, что синагога Херсонеса Таврического — ее культовый и общественный центр была ликвидирована до окончательной победы христианства при св. Капитоне. Считаем, что победа св. Эферия могла привести к ее разрушению и, следовательно, к ослаблению влияния еврейской общины.

¹ Могаричев Ю., Шапошников А. Жития епископов Херсонских по Патмосской рукописи // Нартекс. *Byzantina Ucrainensis* / сост. Ю. М. Могаричев, А. В. Сазанов, Т. Э. Саргсян, С. Б. Сорочан, А. К. Шапошников. Харьков, 2012. С. 507.

² Там же. С. 508.

³ Там же.

Заметим, что к настоящему времени нет единой точки зрения по поводу о времени этих событий. Да, в «Житиях епископов Херсонских» есть упоминания об императорах. Так, по данным их составителей, св. Василей прибыл в Таврику при Диоклетиане (284–305 гг.), а св. Эферий одержал победу благодаря Константину. Но, как верно заметил А. Ю. Виноградов, кодекс этих житий начал составляться только в V в. и корректировался вплоть до XIV в. Причем во время правок шла значительная переработка событийной канвы, о существенности которой, к примеру, говорит замена упоминаний о Феодосии I Великом (379–395 гг.), при котором, по мнению исследователя, в Херсонесе Таврическом утвердилось христианство, на Константина I Великого (306–337 гг.)¹, в период правления которого насильственное насаждение новой религии было еще немыслимо. А. Ю. Виноградов также обосновывает этот тезис тем, что только при первом из этих императоров могла проводиться активная миссионерская деятельность, которая, что немаловажно, шла при действенной поддержке правительства². Основываясь на сделанном им выводе, заключаем, что херсонесская синагога прекратила свое существование не позже 395 г. Причем она не была заброшена. Сам факт обнаружения граффити на таком недолговечном материале, как штукатурка, да еще и столь хорошей сохранности, свидетельствует о быстром разрушении здания, в результате которого его фрагменты оказались в засыпи, поверх которой в V в. была сооружена Базилика 1935 г.³

Что же касается вопроса о периоде процветания еврейской общины Херсонеса Таврического, то, вслед за И. А. Левинской, С. Р. Тохтасьевым, полагаем, что он, как и на Боспоре, мог начаться в I в. н. э. в результате упрочения римского влияния в регионе, а закончиться к началу V в. н. э.⁴ Добавим только, что, учитывая сделанные нами выводы, у нас есть все основания датировать ослабление влияния херсонесской иудейской общины концом IV в. н. э.

Итак, изучив две небольшие античные надписи из Херсонеса Таврического, мы не только выработали предложения по поводу их атрибуции, но и получили материалы для освещения его этнической истории. Исследовав эпитафию Малаки, мы выявили следы пребывания в нем семьи аристократов дорийско-финикийского происхождения — беженцев из Гераклеи, и определили время прибытия и период проживания. Столь же исторически ценным оказалось и граффити на штукатурке, найденное во время раскопок Базилики 1935 г. Полагаем, что надпись оставил ребенок — ученик местной иудейской религиозной школы. Сам же факт ее обнаружения подтверждают свидетельства «Житий» и археологических источников о наличии в позднеантичном Херсонесе Таврическом влиятельной еврейской общины, а также позволяет уточнить верхнюю границу периода ее процветания. Надеемся, что наши наработки будут востребованы исследователями, изучающими эпиграфические памятники античного и средневекового Крыма.

¹ Виноградов А. Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...»: Церковь и церкви Херсона в IV в. по данным литературных источников и эпиграфики. С. 67.

² Там же. С. 67.

³ Учтем то обстоятельство, что в 388 г. в приефратском городе Калиннике христианские монахи и плебеи, подстрекаемые епископом, сожгли синагогу (*Amb. Ep. 40, 16*). Примечательно, что Феодосий I Великий, первоначально отдавший приказ наказать виновных и отстроить молитвенный дом иудеев за счет христиан, так и не смог добиться восстановления справедливости — тому воспротивился св. Амвросий Медиоланский (*Amb. Ep. 41, 28*).

⁴ Левинская И. А., Тохтасьев С. Р. Древнееврейские имена на Боспоре. С. 28; *Levinskaya I. A., Tokhtas'ev S. R. Jews and Jewish Names in the Bosporan Kingdom. P. 55–56.*